# ПРОФЕССИЯ СУДЬИ И ЮРИСТА В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 34.037

***Е.А. ПОПОВ***

В современных общественных отношениях как никогда велико значение профессионального юриста, который не только выполняет непосредственно свои задачи, руководствуясь нормой и духом закона, но и символизирует собой справедливое и участливое отношение государства и общества к каждому человеку и гражданину. Подобная идеализация юридической профессии еще в большей степени оттеняет сложные и противоречивые проблемы, связанные с деятельностью правоведов и их профессиональных сообществ и в конечном итоге формирует определенный образ юриста в социальной реальности. Ясно, что данный образ настолько многолик, насколько обширен тот социальный и социокультурный контекст, который, с одной стороны, воспитывает профессиональные качества, а с другой стороны, формирует личность будущего специалиста в юриспруденции.

Юридическая профессия, как собственно и любая другая, связанная с акцентированием или отстаиванием позиции государства и общества, аккумулирует в человеке те качества, которые позволяют ему решать жизненно важные для каждого из нас вопросы от имени или по разумению буквы закона. По существу, юрист является проводником человека в пространстве правовых норм и правил, а значит, он возлагает на себя обязательства по транскрипции или интерпретации этих нормативных комплексов в соответствии с устанавливаемыми государством требованиями. На этом основании отношение общества и государства к юридической профессии неоднозначно, но в то же время никто по крайней мере не ставит под сомнение острую необходимость в истинных профессионалах своего дела. А между тем современная юриспруденция как самостоятельная научная область и сфера деятельности также предъявляет к данным специалистам повышенные требования – постулирование правового государства, борьба за правовую культуру в массах, многократное усложнение системы правового знания – все это в совокупности предъявляет особые требования к подготовке специалиста-юриста сначала в учебных заведениях, а затем и в профессиональных юридических сообществах. Не секрет, что сегодня в погоне за престижностью юридической профессии освоить программу подготовки специалиста в этом направлении стремятся тысячи и тысячи людей разных возрастов. Это в свою очередь увеличивает масштабы настоящей индустрии, связанной с формированием или «выращиванием» будущего юриста – неуклонно растет количество вузов и факультетов, осуществляющих такую профессиональную подготовку, но о качестве такого образования возникает довольно много вопросов. Совершенно неслучайно и сами профессиональные сообщества юристов выражают озабоченность по поводу качества знаний, демонстрируемых выпускниками современных юридических учебных заведений. Безусловно, от этого и от некоторых других обстоятельств во многом и зависит складывающийся образ юриста в социальной реальности. Пожалуй, наиболее отзывчивой к «живописанию» разноликих образов служащих от юриспруденции оказалась отечественная литературная классика.

В художественной литературе отношение к юридической профессии нередко высказывается достаточно критическое и даже уничижительное. Так, например, Владимир Маяковский в своем «Гимне судье» о людях, имеющих отношение к отправлению правосудия, высказывается с присущей поэту жесткостью: «Глаза у судьи – пара жестянок // мерцает в помойной яме. Попал павлин оранжево-синий // под глаз его строгий, как пост, – // и вылинял моментально павлиний // великолепный хвост!» [1, с. 60]. Известен и созданный великим Гоголем в «Ревизоре» образ судьи Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина, благодаря звучной фамилии которого и невразумительной судейской деятельности в обиходе появилась устойчивая фраза о взятках борзыми щенками: «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело» [2, с. 278]. Не менее выразительными свойствами характера автор наделяет судью – «человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит

басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют» [2, с. 274]. В таком нелицеприятном изображении судьи угадывается всенародное неприятие чиновничества как класса, идущее из глубины столетий, но, разумеется, на этом не останавливающееся и нашедшее свое продолжение в наши дни, в современной реальности. Сегодня чиновничество стало самодостаточной ценностно-смысловой системой, которая неизменно составляет часть человеческой культуры и всякий раз подлежит народной оценке и, увы, не всегда положительной.

К суду и судьям не остается безучастным и А. П. Чехов, создавший бессмертную апологию человеческой несостоятельности. В некоторых его произведениях не совсем явно, но тем не менее вполне определенно звучат мотивы неприятия вывернутого наизнанку правосудия, отправляемого в угоду богатым и наделенным властью. «Судьи! — восклицает герой рассказа «Злоумышленник». — Помер покойник барин-генерал, царство небесное. А то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...» [3, с. 73]. По-своему, на свой лад интерпретирует дух права другой персонаж чеховского рассказа «Унтер Пришибеев»: «Ваше высокородие, господин мировой судья! Стало быть, по всем статьям закона выходит причина аттестовать всякое обстоятельство по взаимности. Виновен не я, а все прочие»; и далее — «Где это в законе написано, чтоб народу волю давать? Я не могу дозволять-с» [3, с. 74, 75]. Ну и наконец, в нагнетаемой писателем обстановке умопомешательства в «Палате № 6» как бы вскользь, по ходу дела речь идет и о возможности судебной ошибки — Чехов как будто предупреждает: в больном обществе, в обществе с «грядущим хамом» (выражение Д. С. Мережковского [4]) невозможно рассчитывать на какое-либо честное правосудие: «А судебная ошибка при теперешнем судопроизводстве очень возможна, и ничего в ней нет мудреного. Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе, как формально...» [3, с. 316]. Конечно, художественное слово в отечественной литературной классике, как известно, всегда было особенно внимательным к проблеме маленького человека, заостряло бескомпромиссную борьбу людей, наделенных властью, и простых смертных, не искушенных этими привилегиями, но благодаря этому обстоятельству современный человек всегда находит аналогию несправедливому, по его мнению, вершению дел в суде с кричащими литературными образами.

Дополняет эту галерею запоминающихся образов, создаваемых при помощи ярких выразительных средств, и пословичная культура русского народа, в которую прочно вошли фольклорные обороты «Где суд, там и неправда», «В суд пойдешь — правды не найдешь», «Не бойся суда — бойся судьи» и т. д. Как видим, в рассмотренных примерах в основном фигурируют в качестве действующих лиц судьи. Причиной такого особого внимания к судейской профессии можно, по-видимому, считать их амбивалентную позицию в социальной реальности: с одной стороны, судьи находятся на вершине иерархии профессионального сообщества юристов, а следовательно, их «небожительство» всегда представляло и представляет интерес для простых людей, интригует своей закрытостью, созданной атмосферой таинственности и даже сакральности. С другой же стороны, очевидно, что суд воспринимается как вершитель людских судеб и, пожалуй, как единственное мерило справедливости, — как раз эта связь человека и судьи, являясь по сути вынужденной, необходимой в условиях решения какой-то жизненно важной для ищущего правды человека проблемы, всегда является очень зыбкой, подчас эфемерной, потому что нет единых стандартов справедливости, как нет и тех, кто бы оставался в полной мере довольным состоявшимся судебным решением. В этом смысле судьям с лихвой и досталось от цеха поэтов и писателей — они неизменно подчеркивали, специально выделяли чинопочитание в этой среде, вопиющую безграмотность и леность отправляющих правосудие, создавали яркие образы судей и судилищ, неизмеримо далеких от народа и не демонстрирующих мудрости в принимаемых решениях и борьбы за их справедливый исход. Художественное слово, как оказывается, не совсем благосклонно к судейскому корпусу, а между тем юридическое сообщество никогда не ограничивалось только представителями этой одной профессии, а потому образы юристов в социокультурной реальности возникают не только на страницах прозы и поэзии, но и в повседневной жизни, идеализировать которую практически невозможно, а значит, и придавать этим образом

особый лоск, по-видимому, тоже не имеет никакого смысла.

Размышляя в свое время об образе социолога в современной реальности, мы пришли к выводу о том, что та или иная профессия не просто накладывает неизгладимый отпечаток на личность ее носителя, но и раскрывает медитативные особенности бытования человека в профессии [5, с. 77]. Они «чрезвычайно многомерны – каждая частичка мира открывает сложное переплетение разных – философских, гражданских, правовых, бытовых проблем, которые не решаются однозначно» [5, с. 77]. Человек в юдоли мира направляет свои усилия на расшифровку неких социокультурных знаков, кодов и символов, каждый из которых может иметь немаловажное значение в жизни этого человека, и в этой борьбе он приобретает новые знания, наращивает свой интеллектуальный потенциал. Но не всегда нам удается раскрыть смыслы, стоящие за каким-нибудь кодом бытия. В этом нам помогают профессионалы – люди, более нас сведущие в тех или иных вопросах, требующих специальных знаний, определенной подготовленности. Конечно, юристы всегда были в их числе, – именно поэтому их образы оказались востребованными литературой, а их профессиональные познания – самой жизнью. Сегодня, разумеется, невозможно представить повседневный быт без правовой поддержки. Из чего же складывается образ юриста, какие символы он разгадывает сам и раскрывает их для других людей?

Если не брать в расчет те предпосылки, которые оказывают воздействие на выбор наших профессиональных предпочтений на различных стадиях жизни, и рассматривать юридическую профессию как данность, то, по нашему мнению, особую роль в формировании образа человека, принадлежащего этой профессии, выполняет формирование и развитие определенной научной среды. Наука, ее сила, актуальность в жизни, особенности концептуализации, безусловно, оказывают подчас решающее воздействие на приобщение к той или иной деятельности. В этой связи сам по себе значим и интересен с научной точки зрения образ юриспруденции – зачастую он привлекает к себе концепцией, свойственной немногим научным отраслям; суть этой концепции состоит в том, что человек, близкий юриспруденции, ощущает себя частью большого государственного механизма, основанного на праве и его нормах. Это, с одной стороны, придает особый вес такому «масштабному» знанию, но с другой стороны, как нам кажется, несколько упрощает, нивелирует восприятие самой юриспруденции как науки. Действительно, по мысли Д. М. Азми, «основное (базовое) право» объединяет в себе «основоположения справедливости, правозаконности, гуманизма, формально-юридического равенства участников правового общения» [6, с. 10]. Такой спектр сущностных характеристик присущ не только и не столько, может быть, науке, сколько в целом жизнедеятельности общества, государства и человека, однако именно за юриспруденцией прочно закрепились эти постулаты в качестве отправных точек для научных изысканий. Кроме того, образ юриспруденции оказывается в зависимости от распространенного мнения о том, что освоение юриспруденции может быть сведено преимущественно к изучению норм: есть закон, его нормы, а следовательно, достаточно ограничиться знанием этих законов для того, чтобы стать юристом. Подобные утрированные представления, возможно, привлекают огромное число тех, кто хотел бы сделать юриспруденцию делом всей своей жизни. Тем не менее, нужно обратить внимание на тот факт, что для исследователя-юриста вполне реальной может оказаться «методологическая травма», которая лишний раз подтвердит мнение о некой ограниченности правового знания, по крайней мере в части оперирования известными методологическими принципами. В социологии, к примеру, понятие методологической травмы используется «для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [7, с. 3]. Полагаем, что подобная ситуация характерна и для исследователей в иных научных областях, в том числе и в юриспруденции. Основанием для подобного утверждения может стать, на наш взгляд, один очень показательный пример: многочисленные учебники по различным отраслям права, как известно, издаются и переиздаются каждый год, но все они по сути похожи друг на друга как близнецы-братья – следуют одной и той же схеме подачи материала, приводят ссылки на одних и тех же авторитетных в данной области ученых и т. д. Ситуация эта вполне объяснима – речь, разумеется, не о том, что кто-то позаимствовал чужую идею и выдал ее за свою собственную; дело здесь в другом – исследователь вынужден ориентироваться исключительно на изменения норм права и размышлять о встраивании

этих новелл в общую систему права и правоотношений, основанных на этих нормах. Редко, когда в новом учебном издании для студентов юридических вузов доминирует авторская рефлексия по поводу случившихся новаций, еще реже предлагается новое концептуальное переосмысление уже известных истин с учетом современных концепций развития государства, общества, человека. Очевидно, что в этом состоит определенная проблема, нуждающаяся в скорейшем разрешении. По замечанию Г. А. Аванесовой, «одна из причин, затрудняющая освоение отечественной методологии общества, культуры и человека, состоит в том, что российское пространство социогуманитарного анализа поражено вирусом парадигмальной и мировоззренческой дезориентации» [8]. Но сегодня можно, как нам кажется, утверждать и то, что если только нормативная методология по-прежнему будет задавать тон в проводимых исследованиях по юриспруденции, не оставляя места для других методологических векторов — аксиологического, социокультурного, социально-правового, герменевтического и других, то рассчитывать на избавление юристов от «методологической травмы» в ближайшем будущем не приходится [9].

Образ юриста формируется также и профессиональным сообществом. При этом профессиональное сообщество юристов представляет собой как общественное объединение специалистов в области юриспруденции, так и коллектив, организуемый в соответствии с российским законодательством. Это обстоятельство по сути выводит профессиональное сообщество юристов на институциональный уровень функционирования и взаимодействия с государством, обществом и каждым гражданином. А это в свою очередь повышает роль подобных объединений в регулировании общественных отношений. В этом смысле, если учитывать тот факт, что «глубинная причина отсутствия в стране нормальной... общественно-политической жизни — неудовлетворительное состояние политико-правовой культуры народа в целом» [10, с. 55], то цель данного профессионального сообщества в том числе видится и в повышении уровня политико-правовой культуры среди населения. Если же брать в расчет сугубо научное творчество в юриспруденции, то его зачастую связывают с законодательной деятельностью, полагая при этом, что главная задача науки о праве как раз и состоит в обеспечении должного юридического уровня принимаемых органами власти нормативно-правовых актов. Об этом, в частности, рассуждает Ф. М. Раянов в статье «Матрица правового государства и наша юридическая наука». По оценке исследователя, «создается впечатление, что проводимые в стране многочисленные реформы не имеют отношения к правоведам, которые обособленно заняты вопросами только правовой реформы, где главный вопрос непременно сводится к выяснению проблемы правопонимания» [11, с. 46]. С этим, конечно, можно согласиться, но лишь отчасти. На самом деле научные цели перед профессиональным сообществом юристов стоят чрезвычайно важные, и они не ограничиваются исключительно установлением принципов правопонимания.

С точки зрения некоторых исследователей, «реальным субъектом научного творчества сегодня становится не отдельный человек («ученый-одиночка»), а научное сообщество как социальная группа, объединенная нормативными принципами теоретико-методологического (парадигмального) и морально-этического плана» [12, с. 18]. Разумеется, научное сообщество предъявляет совершенно особенные требования к любой деятельности, так или иначе связанной с научно-исследовательской сферой. Если иметь в виду юриспруденцию, то можно с уверенностью сказать, что помимо теоретико-методологических исканий, характерных для любой области современного научного знания, а также морально-этических принципов осуществления научной деятельности в этом направлении, она устанавливает неразрывную связь исследователя и нормы права; таким образом, генеральной линией в развитии науки о праве следует признать поиск оснований для переменчивости норм, обеспечивающих существование государства, общества и оказывающих влияние на индивидуальную и коллективную жизнедеятельность человека. Вместе с тем «реальная жизнь научного сообщества, — согласно утверждению О. Т. Коростелевой, — как коллектива ученых, безусловно, включает в себя весь сложный спектр деятельностных установок и коммуникативных мотиваций не только диалектического (ориентированного на поиск истины), но также «софистического» (направленного на убеждение противника) и «эристического» (связанного со стремлением одержать победу) типов» [12, с. 19–20]. Очевидно, что для научного сообщества в сфере юриспруденции как никакого другого особенно характерны все

три указанных типа деятельностных установок, однако стремление «одержать победу» или убедить противника в этом случае напрямую зависит от понимания самой сути преломления многообразных норм права в жизни человека и в жизни государства. Образ юриста от такой мозаики норм может показаться крайне однотипным, невыразительным. Между тем приведение правовых норм в ценностно-смысловой порядок, включение их в систему права — это, пожалуй, те ключевые задачи, которые стоят перед каждым специалистом, связанным с юридической наукой, и которые исключают правовой сервилизм в деятельности исследователя-юриста, сводимый к выполнению обслуживающей функции для органов власти и в целом для нужд государства. И если, например, по выражению М. К. Горшкова, «*социология должна уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами, но последовательно и доказательно убеждая в полезности для власти социологического участия в делах государственных* (курсив автора цитаты. — Е. П.)» [13, с. 24], то юридическая наука, имея огромный опыт сотрудничества с властью, должна все-таки последовательно и верно уклоняться в сторону признания социокультурной детерминации происходящих в мире правовых изменений и процессов. А эта деятельностная и одновременно коммуникативная установка на порядок сложнее, чем та, которая связана с убеждением противников и одержанием локальных побед в юридических баталиях.

Примечательно, что образ юриста в некоторых случаях специально и официально оговаривает закон. Так, закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в статье 3 прямо определяет: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности» [14, с. 58]. Отсутствие в биографии будущего мирового судьи «порочащих его поступков» как неотъемлемое условие назначения его на соответствующую должность указывается в статье 5 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [14, с. 83]. Подобные условия не могут не сказаться на формировании образа судьи, однако, как нам кажется, идеализация любой профессиональной деятельности человека и особенно такой, как судебная деятельность, всегда или почти всегда граничит с ярчайшими случаями отклонений или протеста против данных установлений — известны примеры судебных биографий, в которых обнаруживается не единственное нарушение норм закона, устанавливающих требования к кандидатам в судьи и к уже действующим судьям. Но определенно — государство в вопросах судебной власти взяло на себя заботу, связанную с формированием и функционированием профессионального сообщества судей. Речь, конечно, идет об органах судейского сообщества — на этот счет Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [14, с. 86–105] оговаривает, кто, каким образом и с какими последствиями будет выражать интересы судей как носителей судебной власти. Подобного рода профессиональные сообщества, как известно, создаются и в среде адвокатов, и для обеспечения нотариальной деятельности. Конечно, предъявляемые государством особые требования к осуществлению юридической деятельности вполне оправданны и не вызывают сомнений, но тем не менее такая институциализация по сути стирает личностные характеристики человека в профессии, делает юриста частью огромного государственного механизма и при этом не исключает, а, напротив, лишний раз убеждает нас в сервильности такого порядка.

Итак, образ юриста в социокультурной реальности многолик — в восприятии общества юридическая профессия находится в одном ряду с теми, которые традиционно привлекательны для людей, потому что сулят им денежную и статусную выгоду, некую социальную привилегированность; объективности ради следует сказать, что заботу о чистоте рядов профессиональных юристов, осуществляющих важные государственные функции, проявляет и само государство, формируя стереотип честного и справедливого специалиста. Этим же обеспокоены и профессиональные сообщества юристов и общественные организации; задача воспитать хорошего профессионала в своей области стоит и перед учебными заведениями, осуществляющими подготовку будущих специалистов юриспруденции. С другой же стороны, образ юриста зависим от специфики развития юридической науки, и прежде всего от ее ориентаций на встраивание множества правовых норм в единую эффективную и действенную систему. Пожалуй, определенный диссонанс в создание образа юриста и в большей степени образа

человека в мантии внесла художественная литература, отметившая неприятие людьми зарвавшихся чиновников, зачастую погрязших в коррупции и собственном невежестве.

Как видим, социокультурная реальность отзывчива на образы профессионалов в своей области, всякий раз добавляя в них яркие краски и выстраивая целые портретные галереи людей, связавших себя с той или иной сферой жизни человека, общества или государства. Не всегда эти образы имеют положительные черты, но по крайней мере очевидно, что юрист человеку, обществу или государству во все времена был и будет необходим.

Как нам кажется, изучение образа судьи и юриста в современной реальности крайне важно при формировании государственных программ совершенствования судебной системы и в целом профессиональной подготовки будущих специалистов в области юриспруденции. Очевидно, что несколько предвзятое отношение со стороны населения к судейскому корпусу, судейской корпоративности наталкивает реформаторов на необходимость придания статусу судьи насколько возможно публичного характера, а всей российской судебной системе – открытости. Социокультурная характеристика юридической профессии может измениться в положительную сторону, если человек в мантии приблизится к обществу, но в то же время он еще более будет изолирован от возможных проявлений давления при вынесении тех или иных судебных решений.

В формировании образа судьи и юриста особое место без сомнения занимает профессиональная подготовка. И художественное слово, и современная реальность только подтверждают это обстоятельство. Сегодня, как известно, специально в высших учебных заведениях не обучают премудростям этой сложной и ответственной профессии, но тогда на самого человека возлагается обязанность такого самосовершенствования, при котором его видение судейской профессии должно соответствовать требованиям, предъявляемым со стороны государства и общества к профессии судьи. Нисколько не следует упрощать ситуацию с юриспруденцией в целом. Негативное восприятие юриста в социокультурной реальности не всегда является определяющим в формировании пути, по которому осуществляется подготовка будущего юриста; по крайней мере не подлежат пересмотру нравственные устои, которые всегда должны лежать в основе мудрствования и прикладного начала в отправлении юридической профессии. В равной степени обращение к образу судьи или юриста позволит избежать неких критических моментов во взаимодействии профессионалов с обычными людьми, которые вынуждены обращаться к ним нередко за судьбоносным решением. Этот факт, что в руках судьи или нотариуса, адвоката или следователя находится судьба человека, весьма важен в выработке определенных стандартов нравственно-психологической подготовки специалистов.


1. Аванесова Г.А. Методология анализа культуры, общества и человекав отечественном гуманитарном познании XIX–XX вв. [Текст] / Г.А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5.
2. Азми Д.М. Структурное строение системы права: теоретико-методологический анализ [Текст] / Д.М. Азми // Государство и право. 2010. № 6.
3. Гоголь Н.В. Повести; Ревизор. М., 1984.
4. Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) [Текст] / М.К. Горшков // Философские науки. 2011. № 4.
5. Коростелева О.Т. Основные аспекты ценностного измерения в социологии науки [Текст] / О.Т. Коростелева // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 3 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2011.
6. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности [Текст] / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
7. Маяковский В.В. Сочинения: в 2-х томах. Т. 1 / Сост. А. Михайлова. М., 1987.
8. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
9. Новое в судебном законодательстве Российской Федерации [Текст] : сборник документов. М., 2005.
10. Попов Е.А. Кризис нормативного подхода в современной юридической науке [Текст] / Е.А. Попов // Право и политика. 2011. № 4.
11. Попов Е.А. Образ социолога в современной реальности [Текст] / Е.А. Попов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2.
12. Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука [Текст] / Ф.М. Раянов // Государство и право. 2006. № 8.
13. Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания [Текст] / Г.Г. Татарова // Социологические исследования. 2006. № 9.
14. Чехов А.П. Рассказы. М., 1970.